

♦ ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ: ♦

КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Невеста из чащи
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Наследница Вещего Олега
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Пламя Босфора
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Зимний престол
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Ведьмины камни
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Волки Карачуна
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Стрела разящая
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Огненные птицы
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Сокол над лесами
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две жены для Святослава
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Львы Золотого царства
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Ключи судьбы
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две зари
•
МАЛУША. За краем Окольного
•
МАЛУША. Пламя северных вод
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Клинок трех царств
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Змей на лезвии

Елизавета Дворецкая

КНЯГИНЯ ОЛЬГА

ВОЛКИ КАРАЧУНА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии *Дмитрия Сазонова*

Иллюстрация на переплете *Анны Маркиной*

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Княгиня Ольга. Волки Карачуна / Елизавета Дворецкая. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-04-155482-8

Князь смолян прячет от женихов свою дочь — Ведому. По его хитрому замыслу, брак должен дать союзника для борьбы с Киевом.

Но в Купальскую ночь Ведома внезапно исчезает...

Киевский князь Ингвар собирается свататься к Ведоме, надеясь завладеть землями ее отца. Не собираясь уступать свое место другой, княгиня Эльга отправляется с мужем и дружиной в поход. Но увидеть свою загадочную соперницу она сможет, лишь побывав в глуши зимней чащи, в кругу лесных побратимов — волков Карачуна.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-155482-8

© Дворецкая Е., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Часть первая

*Ладога, 1-й год по смерти Хакона
Богатого Родней¹*

Как и многие судьбоносные события, это началось со столба дыма над Дивинцом: дозорные давали знать, что с моря идет обоз. Этой вести Ингвар сын Хакона ждал давно и с нетерпением. Обычно он принимал гостей у себя в гриде, в крепости, но этот случай был особенным. Поэтому вскоре Ингвар, одетый в новый синий кафтан с синей же шелковой отделкой, уже стоял на причале возле устья Ладожки и вглядывался в ширь Волхова за близкой оконечностью мыса. Вот-вот оттуда покажутся корабли, которые он уже видел с высоты стены. На одном из них едет его судьба. Еще немного — и он увидит свою будущую жену и новую хозяйку Ладоги.

Один раз они уже встречались. Семь лет назад Ингвар, тогда пятнадцатилетний отрок, ездил с отцом за Варяжское море, в Уппсалу. Державой сеев правил Альрек сын Бьёрна, в то время еще довольно молодой. У него имелась младшая сестра Фрейлауг, девяти лет. Когда Хакон намекнул конунгу, что был бы рад найти в его семье жену для сына, тот расхохотался, глядя на рослого юношу, еще сохранившего подростковую нескладность:

---

¹ 948 год. (Здесь и далее примечания автора.)

— Ну, куда ему жениться, он ведь... слишком стар для нашей Фрей!

— Пока невеста подрастет, я, глядишь, и помолодею! — не растерялся жених.

— Ну а пока не помолодеешь, я буду звать тебя Альдин-Ингвар — Ингвар Старый! — сказал Альрек-конунг. — Приезжай лет через семь-восемь, я погляжу: если будешь уже достаточно молод, может, и выдам за тебя мою сестру.

Это не стоило считать настоящим обручением, но все же Альрек дал слово ждать, и Ингвар не терял надежды, что Фрейлауг от него не уйдет. Прошлым летом он уже мог бы воспользоваться приглашением Альрека, но как раз в это время умер его отец. Альдин-Ингвар был провозглашен в Ладоге «великим боярином», и у него нашлось множество дел. Предстояло подтвердить свою власть над областями, откуда ладожане брали дань, подкрепить прежние договора со всеми князьями и конунгами, чьи владения простирались к югу от Ладоги: до Константинополя за Греческим морем и до Страны Рубашек за морем Хазарским.

К родству с конунгами свеев Ингвар стремился не только ради чести, но и для выгоды: в Северные страны из Руси везли множество товаров от самого Царьграда, за сарацинское серебро множество вождей с Восточного пути нанимали варяжские дружины. Этот путь Ингвар проделывал и сам: еще отроком он участвовал в походе своего дяди и тезки, Ингвара киевского, в его втором походе на Греческое царство, дошел с войском до Болгарии, а потом побывал и в Царьграде, вместе с посольством от всех русских земель. В свои двадцать два года он был уважаем среди вождей руси не менее тех, кто старше.

Вот только ездить за невестой самому ему теперь было и некогда, и не по званию. Поэтому еще летом, когда уходили последние корабли, он отправил в Уппсалу своего старого воспитателя, Тормода Гнездо, во главе целого посольства: рассказать Альреку новости и предложить отпустить сестру к будущему мужу. Ингвар смутно помнил

Фрейлауг, да и, конечно, прежняя девочка стала совсем другой — ведь теперь ей уже семнадцать.

Миновала зима, ушел в Нево-озеро последний лед с Волхова, берега покрылись зеленью, и даже старый курган — словене называли его Дивинец — выглядел помолодевшим. Каждый раз, выйдя за чем-нибудь из дома, Альдин-Ингвар поглядывал в ту сторону: не видно ли дыма над вершиной? В свободное время он выходил на стену крепости и смотрел на север — туда, где высокие курганы на ближнем берегу сторожили последний отрезок реки перед поселением. Улыбался, представляя, как будет показывать молодой жене ее новые владения.

Узнает ли она его? Со дня обручения Альдин-Ингвар заметно «помолодел». Прежнего подростка сменил мужчина значительно выше среднего роста, плотного сложения, с высоким, хотя довольно узким лбом, из-за чего щеки казались округлыми. При светлых волосах брови у него были черные и борода гораздо темнее волос. Довольно правильные, не считая чуть вздернутого носа, черты лица производили приятное впечатление. Держался он приветливо, как человек спокойный, уверенный и дружелюбный, и был равно вежлив со всеми: как с придворными царьградского василевса, так и с ладожскими рыбаками.

Однако в тот день, когда посланцы вернулись, молодому боярину потребовалось все его мужество. Вот корабли миновали короткий отрезок Ладожки между устьем и причалом. Альдин-Ингвар обшарил взглядом корабль Тормода, потом два следующих, но не нашел ни одной женщины. А ведь с невестой должен прибыть десяток слуганок, ее должны сопровождать люди отца..

— Прости, вместо невесты я привез тебе плохие новости! — поздоровавшись, развел руками Тормод Гнездо. — В этом деле нам не было удачи — эту девушку призвала на службу богиня Гевьюн.

— Ты хочешь сказать.. — Альдин-Ингвар нахмурился.

— У них в Бьёрко зимой ходила горячка, многие люди болели. Наша девушка тоже заболела и не справилась...

Альдин-Ингвар помолчал. Ощущение было такое, будто он раскатился на санях с горы и со всего размаху врезался в невидимую стену. Все его ожидания и мечты враз стали ненужными. Развеялись, как дым. Не стало будущего, которого он ожидал целых семь лет, и показалось, что и сами эти годы были сном. Обещанная ему награда и судьба, к которой он стремил все помыслы, просто... исчезла. Ее больше нет, и некого винить, кроме Судениц.

— А из наших людей... — С трудом собираясь с мыслями, Ингвар все же вспомнил, какой вопрос нужно задать.

— Нам пришлось похоронить там Глядоту, Большу и Фастульва. Ну да ничего! Там уже много наших. — По многолетней привычке Тормод называл «нашими» словенских купцов, иным из которых случалось умирать в поездках за Варяжское море. — Нам дали для них хорошее местечко. Там же где, помнишь, Гороша Изрядович...

Альдин-Ингвар бездумно кивнул. Сердце заливала боль потери — как холодная вода. Он совсем не знал ее, Фрейлауг, дочь Бьёрна, внучку Олава, но хорошо знал тот образ, который вырастил за эти семь лет в своем сердце. И теперь ощущал такую же боль, как если бы потерял и впрямь близкого человека.

— Я привез тебе другого хорошего гостя. — Тормод сделал знак кому-то на корабле.

По сходням к ним приблизился мужчина средних лет, темноволосый, с прямым носом, вытянутым вперед, будто клюв. По виду незнакомец был человеком как решительным, так и учтивым. Синий кафтан с серебряной тесьмой на груди, зеленый плащ, отделанный полосой цветного узорного шелка, золоченая застежка, настоящий рейнский меч на перевязи — весь его облик говорил о знатном происхождении и богатстве.

— Это Биргир-ярл, сын Эйлива, доверенный человек Альрека-конунга.

Гость поклонился:

— Понимаю, Ингвар-ярл, что не могу заменить тебе того, кого ты ждал. Но все же надеюсь, наши встречи пройдут не без пользы.

— Уверен, что ты прав, — пробормотал Альдин-Ингвар, однако потом сделал усилие и взял себя в руки. — Рад приветствовать здесь посланца Альрека-конунга. Сколько с тобой людей? В чем имеете нужду?

Через день ладожские старейшины — словене, русины, чудины — были званы на пир в честь возвращения посольства. Уже все знали, что свадьбы не будет, и голоса звучали приглушенно.

Выяснилось, что у Альрека-конунга тоже есть дочери, но старшей из них сейчас было те же девять лет.

— Конунг поручил мне передать, что, если ты пожелаешь, он отдаст тебе одну из этих юных дев, — рассказывал Биргир-ярл. — Но и не будет в обиде, если ты сочтешь еще одно такое ожидание чрезмерным.

— Без княгини нам нельзя еще семь лет, — заговорили старейшины.

Два поколения назад ладожская ветвь потомков Харальда Боезуба утратила звание конунгов и с тех пор считалась подчиненной владыкам Хольмгарда. Однако между собой ладожане до сих пор называли своих «великих бояр» князьями — и по привычке, и ради самоуважения.

— И также конунги передали тебе некий совет, если будет у тебя желание его выслушать, — продолжал Биргир.

Он говорил на северном языке, но в Ладогe его кое-как понимали не только мальчишки, но и собаки на пристани, а уж старейшины свободно общались на нем, как на родном. Многие и сами вели род от варяжских гостей, за последние два века часто оседавших здесь и женившихся на словенках или чудинках.

— С удовольствием выслушаю, — учтиво кивнул Альдин-Ингвар.

— У тебя есть возможность подыскать невесту не менее знатную и тоже в родстве с нашими конунгами, причем не так далеко. Тебе известно, что родич Олава, Сверкер-конунг, правит южнее твоих земель, на реке Днепр, в городе под названием Сюрнес¹. У него, как говорят, несколько жен и есть дочери.

— Я знаю Сверкера-конунга, хотя не видел его дочерей, — подтвердил Альдин-Ингвар. — Он не показывал их мне, а я не спрашивал, поскольку у меня же есть... была невеста. Но теперь, пожалуй, этот совет придется ко времени.

— Так ты все же сможешь породниться с нашими конунгами, а заодно и со Сверкером, — добавил довольный Биргир. — Я поеду отсюда к нему и, если ты пожелаешь, переговорю с ним об этом деле.

— Еще будет время об этом подумать. У тебя ведь есть и другие поручения к Сверкеру-конунгу, надо полагать?

На это Биргир ответил лишь многозначительным взглядом и улыбкой: дескать, позже.

Все привезенные свееми товары сложили в клетки при гостинице, и лишь два больших тяжелых сундука взяли в дом. Через день после пира Биргер пригласил Альдин-Ингвара к себе и упомянул, что привез франкские мечи: не хочет ли ярл взглянуть? Разумеется, ярл хотел — как женщина не откажется взглянуть на сирийские бусы или греческие шелка, даже если не собирается ничего покупать. Сундук отперли, и на свет явился десяток клинков длиной почти в пару локтей: с коротким череном вместо рукояти, пока без гарды и ножен.

— Это заказ Сверкера-конунга. Он пожелал приобрести мечи для своей ближней дружины, и у него есть хоро-

---

¹ Сюрнес («свиной мыс») — предположительное скандинавское название Гнездовского городища, предшественника Смоленска. Расположен при впадении в Днепр ручья Свинка (иначе Свинец), поэтому его древнерусское название могло звучать как Свинчск.

шие мастера, чтобы сделать полный набор¹. В уплату он посылал собольи меха, что возят с Мерянской реки.

Альдин-Ингвар понимающе кивнул: какие-либо другие товары, кроме соболей, равные этому грузу по стоимости, потянули бы на целый обоз. А тех соболей он помнил, поскольку получал десятую часть при перегрузке — как и любой владелец отрезка торгового пути. Из этих двадцати клинков два причитались ему, и это был такой подарок судьбы, что даже тоска потери отступила.

Прихватив через льняной рушник, он взял клинок и повернулся к оконцу. Клинки еще не были заточены, но понимающие люди знают, что прикосновение пальцев вредит хорошей стали. Ниже будущей рукояти четко виднелись буквы, составлявшие надпись «Ulfberht», со знаками креста в начале и в конце.

— Похоже, что настоящие? — Альдин-Ингвар улыбнулся Биргиру.

— Надеюсь, что так. Хотя ты прав: в последнее время развелось много подделок.

— У нас тут Свеньша с Рановидом такой же скуют: сам Ульфберт не отличит.

— Мастер Ульфберт давно умер. Наверное, теперь кует мечи для дружины Одина.. хотя нет, он же был христианином. У нас есть верный человек, который может достать такие вещи. Ты знаешь, наверное, что короли франков запрещают продавать их язычникам?

— А ваш верный человек, как я догадываюсь, христианин?

Биргир снова улыбнулся:

— В торговых делах Крестус полезен. Поэтому непобедим тот конунг, у которого торговые люди — христиане,

---

¹ Набор — гарда, рукоять. Они часто делались для привозных клинков местными мастерами, знавшими вкусы заказчика.

а дружина почитает Одина. Такой не пропадет и в мирное время, и в военное.

— А я где-то слышал, что Кристус прогонял торговцев подальше от храмов. Выходит, с тех пор он переменял свое мнение и стал покровителем торговли?

Они посмеялись. Потом Биргир пристально взглянул на Альдин-Ингвара:

— Так могу я надеяться, что повезу в Сюрнес и твое поручение? Ну, что мы говорили насчет сватовства? Видишь ли, я хочу вернуться домой еще этим летом, поэтому не могу медлить...

Альдин-Ингвар ответил не сразу. Он молчал, но думал об этом все те дни, что Биргир провел в Ладогe. Не раз ему хотелось спросить у гостя, знает ли тот что-нибудь о дочерях Сверкера — взрослые ли они, от каких матерей, что о них говорят? — но останавливал себя. Это будет пустое любопытство: ведь Биргир, впервые приехавший на Восточный путь, едва ли может знать о делах смолян больше, чем сам Альдин-Ингвар.

Область смолян — малого племени в составе союза кривичей — была известна северным людям уже лет двести, а то и больше. Предок Сверкера когда-то пришел туда с дружиной и занял место воеводы при старых смолянских князьях. Во всех крупных торжищах, тяготеющих к берегам Варяжского моря, сидел такой воевода, связанный договором с местными жителями. Он охранял торговые пути от разбоя, не допускал никакого кровопролития и свар на торгу. В Свинческе, как в Бьёрко, Хедебю, Дорестаде, Рёрике, Рибе и других местах, имелись «воинские палаты» — длинный дом, где жил вождь и при нем человек сорок-пятьдесят хирдманов.

Но воевода Улав, а потом и сын его Сверкер располагали чем-то бóльшим, нежели просто дружина в сорок копий. Они обладали прочными связями с Бьёрко, а через него и с Хедебю в Ютландии. При их посредничестве старейшины смолян, в том числе и сам князь Ведомил, легко

находили надежных покупателей на свои меха, мед, воск, льняную пряжу и ткань. А также и продавцов приятных вещей, на которые можно было все это обменять: разных женских уборов, фризской шерсти и греческого шелка ярких цветов, узорной посуды. При Улаве небольшое прибрежное озеро близ Днепра соединили с руслом, и получилась удобная гавань.

Воевода управлял делами защиты и заморской торговли, князь — ходом жизни местных общин. Они были связаны взаимной пользой, но каждый стремился подчинить другого. Воевода Улав был силен и уважаем, но сын его Сверкер понимал, что после смерти отца ему придется трудно. И предпринял ловкий ход: посватался к старшей дочери князя Ведомила и хоть не сразу, но заполучил ее в жены.

Однако и это не помогло сохранить мир: еще через несколько лет соперничество перешло в открытую схватку. Одолеl Сверкер. Князь Ведомил и род его сгинули, а Сверкер стал и воеводой, и князем одновременно, как Олег Вещий еще ранее — в Киеве. Сверкер собирал дань с племени смолян, продавал ее купцам-свеям, взимал со сделок десятую долю. Малые племена кривичей — угряне, дешняне, порошане, березничичи и другие, — что подчинялись смолянским князьям, его власти не признали, и их пришлось приводить в покорность силой. Этим он был занят и по сей поры, двенадцать лет спустя. Тем не менее его положение на важнейшем перекрестке торгового пути делало родство с ним весьма желательным.

Купцы болтали, что Сверкер брал по девке чуть ли не от каждого из знатных смолянских родов, так что недостаток в женах и детях, уж наверное, теперь не испытывает. Но дочери от пленниц Альдин-Ингвару в жены не годились. Пусть его род утратил королевское звание, но не утратил кровь, которая связывала его с древними конунгами Севера и самими богами. А значит, он мог выбирать супругу лишь среди равных себе. Как невеста ему

подошла бы лишь дочь Сверкера от брака со смолянкой княжной, заключенного еще до войны, — если таковые дочери у того имелись. Но, сколько Альдин-Ингвар ни пытался, разговоров о дочерях Сверкера припомнить не мог.

Зато всплывали в памяти смутные слухи о его матери — будто бы она такая сильная колдунья, что предвидит будущее, даже знает срок собственной смерти... Врут, наверное. Раньше Альдин-Ингвар лишь посмеивался, слушая такое. Но теперь, если он надумает породниться со Сверкером, в семейных делах того стоит разобраться как следует.

Маловероятно, чтобы даже при наилучшем исходе переговоров ему отдали невесту прямо сразу. Не обязательно даже, что ему покажут девушек и позволят самому выбрать. Если они договорятся, Сверкер, скорее всего, лишь пообещает осенью прислать в Ладогу дочь с приданым. Наиважнейшее дело сейчас — найти общий язык с самим Сверкером. И это Альдин-Ингвар не мог передоверить никому.

— Пожалуй, мы сделаем вот что, — наконец ответил он Биргиру. — Я поеду в Сюрнес вместе с тобой. Мы обсудим со Сверкером наше дело, а ты сможешь сразу, как вернешься домой, рассказать Альреку, чем закончились переговоры.

* * *

Смолянская земля, 12-й год по гибели Велеборовичей

Были те самые дни, когда зеленая дымка на ветвях густеет день ото дня — на глазах. Казалось, вчера еще сквозь кроны было видно прохладное весеннее небо, а сегодня уже взор упирается в нежно-зеленую сень, и понимаешь, что вот-вот она сомкнется в сплошной полог, накроет тебя, окутает со всех сторон, на пять месяцев погрузит в кипящее, шепчущее море листвы.

День был ясный, солнечный, утренняя влага успела высохнуть. Ведома бродила по склонам оврагов, цепляя взглядом желтые брызги мать-и-мачехи среди бурой листвы, но смотрела больше в небо. Учат, что при сборе трав нужно повторять заговор к матери-земле, но она никогда не делала этого. Она вообще ни о чем не думала. Выходя в лес, Ведома лишь вздыхала поглубже — и человеческий мир выходил из груди вместе с долгим выдохом. Сознание растворялось среди стволов и ветвей, и она плыла, рассеянным взглядом будто выискивая потерянное, но на самом деле ничуть о нем не беспокоясь. Она не думала, куда идти — лесная земля сама раскатывала под ногами невидимую дорожку. Не выбирала, какие цветки или ветки взять — они будто махали ей: «Нас, нас! Мы годны, мы поможем!» Она двигалась медленно, будто лист, подхваченный неторопливым речным потоком. То петляла по склонам оврагов, то шла прямо, но старалась не выходить на открытые места. Порой наклонялась сорвать два-три цветка, в лад с клонящимися на ветерке ветвями.

Впереди показался просвет, и она хотела свернуть, но взгляд привлекло некое движение, необычное среди колыхания ветвей. Там шевелилось что-то большое и темное. Покачивалось на месте... немного передвигалось в сторону и снова покачивалось... Лад движений непонятного темного пятна увлекал за собой. Выпустив ручку корзины, Ведома пошла вперед.

Меж деревьями стало видно, что темное пятно на поляне не одно. Их было три... нет, четыре... Три медведя — молодых, судя по не очень высокому росту, — спиной к ней стояли на задних лапах, покачивались, притоптывали, немного извиваясь, как они делают, когда чешут спину о стволы.

Завороженная этим зрелищем, Ведома сделала еще пару шагов и припала к толстой березе, чтобы меньше бросаться в глаза. Ее белая шерстяная шушка, отделанная узкой черной тесьмой, почти слилась с березовым стволом.